

Вернувшись домой, я сразу пожалел о содеянном. Моя мама — убежденная атеистка, отродясь не знавшая ни храмов, ни молитв. Отец балансировал где-то посередине, но его вера целиком зависела от маминого настроения: дома он был абсолютным подкаблучником.

Тьфу, точнее, подкаблучником на службе у женской половины семьи. Сын у нас существовал исключительно для поручений, тогда как жена и дочь считались неприкосновенным сокровищем. Короче говоря, в домашней иерархии я занимал самое дно, будучи самым угнетенным сословием.

Что до моей младшей сестры, Чжоу Сяосяо, то она пошла в меня — соображала быстро и впитывала всё новое без лишних вопросов, так что за неё я не переживал. А вот насчет Второго дяди... Вдруг решит, что я тронулся умом? Бросить приличный вуз ради того, чтобы заделаться шарлатаном и податься в шаманы-практики?

Я долго ломал голову, но так ничего и не придумал. Зато Хуэй Сяобао пребывал в полнейшем восторге. Не теряя времени, он собрал пожитки и заявился жить прямо ко мне. Вслед за ним притащились и Ху Линлин с Лю Чжэньюань.

— Послушайте, а вы-то зачем все притащились? — вздохнул я. — Я же ничего не готовил. Где вы собрались спать?

— Не переживай, делай что должен и не обращай на нас внимания, — отозвалась Лю Чжэньюань. Хотя она и выглядела как маленькая девочка, характером обладала на редкость напористым и прямолинейным, как и большинство женщин у нас на Северо-Востоке. — С сегодняшнего дня мы твои вестники, читай — телохранители. Твоя безопасность и покой твоей семьи теперь на нашей совести.

Поняв, что спроводить гостей не удастся, я махнул рукой и просто уселся за письменный стол, тоскливо вздыхая.

Троица дружно отправилась обследовать квартиру. Они заглянули в мою спальню, сунули нос во все углы и с детским восторгом принялись изучать бытовую технику. Наигравшись, они вернулись и, застав меня в прежней унылой позе, обступили стол.

— Что стряслось, Дачуань? — спросила Ху Линлин. Из всей троицы она, как самая старшая, была наиболее рассудительной, и неудивительно, что остальные признавали её авторитет.

— Думаю, как заставить мою матушку-атеистку поверить в существование призраков.

— А почему обязательно в призраков, а не в Бессмертных? — встряла Лю Чжэньюань. Девчонка явно переживала трудный возраст и обожала со всеми спорить, из-за чего общаться с ней бывало невыносимо.

— Хочешь, я покажу им технику пяти призраков-переносчиков? — предложил Хуэй Сяобао, азартно потирая ладони.

Я закатил глаза.

— Бесполезно. В научно-популярных журналах этому давно нашли вполне земное объяснение.

Последние пару лет мама зачитывалась разоблачениями фокусов и смотрела передачи вроде «В поисках науки». Обычными трюками её было не пронять.

— А если я применю заклинание проявления теней на стене? — подала голос Лю Чжэньюань. Стоило ей забыть о желании поспорить, как у неё рождались дельные мысли. Куда более толковые, чем у Хуэй Сяобао.

— И что это за магия? — заинтересовался я.

— Смотри сюда, — она указала на белую оштукатуренную стену, сложила пальцы в ритуальный жест и забормотала заклинание.

Я уставился на стену. Вскоре на белой поверхности проступила темная дымка. Она свилась в причудливые узоры, рождая очертания облаков, моста, бегущей реки, плещущихся рыб и косых струй дождя. На мосту проявились силуэты мужчины и женщины в древних одеждах, медленно идущих навстречу друг другу.

Сцена показалась мне смутно знакомой.

— Погоди... Это же «Легенда о Белой Змее»? Сцена встречи на Сломанном мосту?

— Ну как, каково? — Лю Чжэньюань уперла руки в бока, явно довольная произведенным эффектом.

— Пожалуй, сработает, — одобрительно кивнул я. Зрелище не пугало, но и списать его на законы физики у мамы не выйдет. Только сюжет требовалось изменить.

Взяв за основу идею Лю Чжэньюань, под руководством Ху Линлин мы сообразили сценарий минут на пятнадцать. В основу лег сюжет о нашем знакомстве и визите к Шестому господину Ху.

Нам хотелось добавить звуковых эффектов, но мастерства Лю Чжэньюань для этого не хватало — получался лишь безмолвный театр теней. В итоге Ху Линлин на ходу сочинила реплики для озвучки за кадром, и короткая пьеса наконец обрела форму.

На следующий день я спозаранку отправился на рынок за продуктами. Захватил бутылку крепкой настойки «Дацюаньюань», а для сестренки взял коробку мороженого. Уже к полудню на кухне вовсю кипела работа: я ощипал курицу, поставил томиться ребрышки и нарезал жирную грудинку для свинины хуншао.

Одни мясные блюда? Ну и что. Главное — сытно. К тому же до ужина оставалось полно времени, зелень всегда успею нарезать.

Набралось шесть блюд и один суп — полноценный праздничный обед. Пока тушилось мясо, я прибрал в гостиной, накрыл стол и стал ждать возвращения родителей, которые поехали забирать сестру с дополнительных занятий.

— Это ещё что за повод? С чего вдруг такая щедрость? — Чжоу Цзефан, едва переступив порог и увидев ломящийся от еды стол, не растрогался, а заподозрил неладное. — Сын, ты что опять удумал?

— Да ничего я не удумал, просто решил покормить семью ужином, — буркнул я, мысленно пожурив отца за излишнюю подозрительность. Затем я с преувеличенной заботой усадил маму, пододвинул ей стул и подал влажное полотенце.

Моей главной мишенью сегодня была мама. Отец шел лишь прицепом.

Отец продолжал коситься на меня с прищуром, но мама растрогалась до глубины души. Она умиленно вздыхала, повторяя, что сын наконец-то вырос и взялся за ум.

От этих слов на душе заскребли кошки. Я никогда не отличался чуткостью, и если бы не необходимость объявить о своем пути Чума, вряд ли догадался бы приготовить для родителей ужин.

Как бы то ни было, стряпню мою оценили. И пускай суп вышел чересчур густым из-за избытка крахмала, а ребрышки слегка подгорели из-за темного соевого соуса, домашние остались сыты и довольны.

За ужином я плеснул отцу стопку «Дацюаньюаня». Тот расплылся в улыбке и велел мне налить тоже, чтобы составить ему компанию.

Когда с едой было покончено, я понял, что нужный градус доверия достигнут.

Откашлявшись, я выпрямился и принял серьезный вид. Родители сразу смекнули, что сейчас начнется важный разговор, и отложили палочки. Даже Сяосяо притихла, с любопытством уставившись на меня.

— В общем, дело такое... — начал я, отчаянно подбирая слова. Отступить было некуда. —

Несколько лет назад я сошелся с одной... необычной компанией.

— Эти мои приятели — Бессмертные с нашего Северо-Востока. Мам, ты ведь понимаешь, о ком я?

Отец, выросший в этих краях, сразу всё понял. Моя же мама была родом с юга и прожила здесь едва ли двадцать лет.

— Понимаю, — тихо ответила она. — Говори прямо. Ты ведь собрался стать шаманом-практиком?

Я опешил. Откуда ей было знать? Это казалось совершенно невыносимым.

— Помнишь, как в детстве ты тяжело заболел и пролежал в постели больше месяца? — мамин голос звучал мягко и размеренно, но от её спокойного тона у меня по спине пробежал холодок.

— Помню, — кивнул я, затаив дыхание.

— Обычная простуда, казалось бы, но жар никак не спадал. Я возила тебя по больницам, мы обошли всех врачей, от традиционных травников до терапевтов, и все твердили одно: обычный грипп. Но разве от гриппа бьет такой озноб, что ребенок мечется в бреду ночи напролет? Тогда твоя тетя подсказала съездить к знахарке в соседнюю деревню, которая лечила болезни от духов. Сказала: попытка не пытка. Я тогда, конечно, не поверила ни единому слову, но смотреть на твои мучения больше не могла. Душа разрывалась. Пришлось поехать. Ты к тому времени даже глаз открыть не мог. Знахарка осмотрела тебя и сказала, что у тебя слабые восемь иероглифов судьбы, но при этом много накопленной благодати, отчего к тебе так и липнет всякая нечисть. В тот год на Праздник голодных духов мы с отцом сделали всё, как она велела: сожгли покойным предкам бумажные деньги на перекрестке. На следующее утро ты пришел в себя. И пускай шел на поправку медленно, прежний кошмар отступил. Я пыталась убедить себя, что это простое совпадение. Но когда ты учился в старших классах, ты снова начал жаловаться на слабость. Врачи разводили руками, списывая всё на переутомление. А ведь за две недели до этого ты проходил общую комиссию, и здоровье у тебя было как у профессионального спортсмена. Я снова поехала к той знахарке. Она-то мне и открыла правду: за твоей спиной стоят Бессмертные, и рано или поздно тебе придется принять их волю и стать шаманом-практиком. Избежать этого невозможно.

На этих словах мама не выдержала и разрыдалась. Отец тут же прижал её к себе, тихо нашептывая утешения.

— Все эти годы ты жил спокойно, и я думала, что беда миновала, — сквозь слезы говорила она.

— Тебе вот-вот придет письмо из университета, и вдруг такое...

Я растерянно взъерошил волосы, не зная, какие слова подобрать, чтобы ее успокоить.

— Разумеется, я не хочу для тебя такой судьбы. С какой стати моему сыну становиться деревенским колдуном? Но та женщина предупредила: духи не спрашивают согласия. Если они наметили человека, он не спасется, даже если решит свести счеты с жизнью. Придется подчиниться. Сама знахарка в молодости была передовиком эпохи Большого скачка, в чертей да богов не верила вовсе. Но духи терзали её семь лет, пока она не сломалась и не открыла свой алтарь. Теперь вся ее жизнь — это бесконечное курение благовоний перед табличками Бессмертных. Ты столько лет корпел над учебниками, с таким трудом поступил... Как ты будешь учиться, если свяжешься с этим?

Поняв, что именно ее пугает, я поспешил объяснить:

— Мам, да ты не переживай! После того как я соберу свой алтарь, у нас с духами еще долгий период притирки будет. И вообще, одно другому не мешает. Никто ведь не запрещает шаманам-практикам учиться в университетах.

— Ну ладно, диплом ты получишь, а дальше что? — не унималась она. — Всю жизнь камлать да обряды водить? Зачем тогда учился? Твоя двоюродная бабушка всю жизнь безвыездно прожила в глухой деревне, задыхаясь от дыма благовоний. Разве это жизнь?

— У меня всё будет совсем иначе, — заверил я. — Я уже всё продумал. Сниму квартиру неподалеку от кампуса и обустрою алтарь там. К тому же моя специальность — станковая живопись. Буду писать на заказ буддийские лики, создавать защитные талисманы. И творчеством займусь, и обязательства перед духами выполню. Отличный компромисс.

Сначала я брякнул первое, что пришло в голову, но, поразмыслив, понял: а ведь идея и правда стоящая!

Сакральная живопись — вполне себе признанное направление в искусстве. Рука у меня набита, а уж провести обряд освящения готового образа — дело нехитрое. Получается идеальное совмещение приятного с полезным. Я прямо-таки зауважал себя за сообразительность.

Мама шмыгнула носом, её рыдания понемногу ушли. Сквозь влажные ресницы она посмотрела на меня с робкой надеждой:

— И правда получится? И тебе не придется принимать людей и лечить их болезни?

— Абсолютно, — уверенно кивнул я. — Мои духи-покровители — сущности высшего порядка, по мелочам размениваться не станут. Да и кто я такой? Будущий дипломированный специалист, едва ли не самый образованный шаман-практик во всей округе! Ты когда-нибудь видела, чтобы инженеры траншеи лопатами копали? Я у них буду кем-то вроде мозгового центра, займусь исключительно интеллектуальным трудом.

Чтобы успокоить маму, мне пришлось выложиться на полную.

В те времена в мои сказки еще могли поверить. Сейчас-то, конечно, высшим образованием никого не удивишь. Нынче дипломированные специалисты не то что на стройках вкалывают — на вакансии дворников порой выстраиваются очереди из магистров.

Наконец умиротворение в доме восстановилось, и мы еще какое-то время тепло беседовали за столом. Потом я вспомнил про заготовленное представление — зря мы, что ли, репетировали до седьмого пота? Будет глупо, если труды пропадут даром.

Мы дружно развернули диван лицом к оштукатуренной стене и в полной темноте посмотрели потрясающий, невероятно зрелищный театр теней.

<http://bllate.org/book/20253/2118593>